

С важной коррекцией датировки (558 г.) С.А. Иванов приводит мало использованную учеными эпитафию Мартина Бракарского св. Мартину Турскому

С.А. Иванов и В.В. Кучма представляют отрывки из двух военных трактатов — анонимного сочинения конца VI в. и "Стратегикона", уверенно датированного В.В. Кучмой концом VI в. и атрибутируемого императору Маврикию. Возможные и в том, и в другом случаях сдвиги terminus postquem на первые годы VII в. не противоречат принципу хронологической последовательности сведений в томе, так как замыкающий его отрывок из Хроники Иоанна Бикларского также датируется самым концом VI или первыми годами VII вв. Помимо сведений о военных обычаях славян военные трактаты содержат, как известно, и информацию о хозяйственной и социальной жизни, но их объем и характер не позволяют интерпре-

тировать их слишком конкретно, как это не раз делалось

С выходом первого тома "Свода" отечественная историография ранней истории славян пополнилась трудом, отвечающим самым современным требованиям как с точки зрения издания исторических источников, так и в плане их всесторонней и критической интерпретации. Мы надеемся, что несколько затянувшаяся в силу понятных причин пауза между первым и вторым томами (думается, прежде всего она послужила препятствием для появления большего числа откликов на вышеуказанную книгу) вскоре закончится, и научная общественность получит возможность целиком и по достоинству оценить выдающийся труд, несомненно, принадлежащий к числу высших достижений отечественной медиевистики

Д.И. Польшвинный

Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991. 243 с.

Монография Е.П. Глушанина посвящена чрезвычайно сложному и важному с точки зрения назревания форм византийской государственности периоду — III—VI векам. Именно здесь кроются истоки фантастического "долговечия" империи, ее удивительной политической стабильности и живучести. Не менее важен (и мало изучен) предмет исследования — военная знать как особая социально-политическая категория господствующего класса империи, ее роль в становлении византийской государственности. Зарождение и оформление военной знати изучается в книге Е.П. Глушанина методом поэтапного анализа, в строгой хронологической последовательности рассматриваемых событий. Несмотря на свой относительно незначительный объем (ок. 14 печ. листов), монография производит весьма солидное впечатление, отличается исключительной обстоятельностью, емкостью и, я бы сказал, "интенсивностью" изложения материала, в сжатой форме заключает в себе богатейшую информацию, почерпнутую автором как непосредственно из источников, так и из специальной литературы. Автор демонстрирует превосходное знание богатейшей историографической традиции (что значит пару лет поработать над темой в немецких библиотеках!), умение ориентироваться в ней и критически анализировать труды своих предшественников, проявляя при этом мастерство

самостоятельного и скрупулезного аналитического разбора источников

Автору удалось весьма наглядно воспроизвести атмосферу почти непрерывного кадрового и административного "экспериментирования" императоров в военной сфере (справедливо подчеркивается особая роль Константина Великого, заложившего основы эффективного действовавших административных структур — с. 50), при налаживании системы правительственного контроля за формированием "армейской верхушки" и средних армейских постов, борьбы (с переменным успехом) зарождавшегося "династизма" с квазиконституционными принципами так называемой "политической адаптации". В книге — масса частных наблюдений, уточнений и исправлений, пересмотр некоторых традиционных точек зрения. Убедительны соображения автора о времени учреждения института магистров армии (с. 52—53), об отсутствии (вопреки мнению некоторых исследователей) у Гайны частного войска-свиты (с. 91) и о легенде приглашения им целого народа (с. 92), о причинах передачи должностей *laterculum minus* квестору дворца (с. 101), о мифе об Аспоридах (с. 113—115), о надуманности тезиса некоторых ученых о борьбе за своего кандидата на престол между готско-аланским и исаврийским "лобби" в столице (с. 117), о сомнительности историчности свидетельства Теодориха об

отказе Аспара от императорской власти (с. 122), об аттицизме Прокопия, избегавшего новшеств в терминологии (с. 216) Обращают на себя внимание своей убедительностью реконструкции автором событий, связанных с государственной изменой Ардабура (с. 127 и след.), его комментарий к мятежу Маркиана (с. 146), критика концепции американского ученого Кэги относительно "военной смуты" на Балканах (с. 167) и т.д.

Считаю в достаточной степени обоснованным и главный (хотя и парадоксально негативный) вывод исследователя о том, что византийской военной знати как таковой, т.е. как "наследственно-стабильного, замкнутого слоя, состоящего из породненных между собой магистров войск, императоров и варварских вождей в эпоху Диоклетиана и до Юстиниана включительно, и особенно на территории ранней Византии в 364—565 гг., не существовало" (с. 229); что военная элита Империи периодически и практически полностью обновлялась (с. 149, 153, 159 и др.). Фактически речь идет о том, что в ранней Византии отсутствовали те специфические условия, которые на Западе привели к зарождению протофеодалных структур. На мой взгляд, это наложило свой отпечаток на всю последующую историю Византии, лишая ее тех многих черт, которые необходимы были для того, чтобы общество смогло "структурироваться" в качестве истинно феодального.

Не могу не выказать в адрес автора монографии ряд замечаний. К сожалению, все внимание Евгения Павловича сконцентрировано на "верхних эшелонах" военной власти, практически — на магистрии, военная же иерархия в целом как таковая, на мой взгляд, в книге отсутствует. Недостаточно внимания уделено проблеме рекрутского набора, комплектования армии и ее снабжения (помимо "аннови донативов", существовали еще такие виды солдатского довольствия как *polveraticum*, *stipendium*, *sanonis vestium*, *equorum collatio* и др.). Весьма ошутим в книге дефицит обобщений: ценные островки "теоретической" мысли буквально тонут в море фактов и фактиков, дотошного прослеживания отдельных военных карьер, изложения событий.

Так, Евгений Павлович неоднократно упоминает об "имперской конституции", о "новой Константиновой конституции", о "базовых конституционных принципах" (например, с. 232, 236), о "неконституционных методах" Аспаридов (с. 133), о "стратегиях-автократиях" как "неконституционных структурах" (с. 188), и в общем можно догадаться, что он имеет при этом в виду, но все же жаль, что он не делает попытки суммировать свои наблюдения в этой области и внести свой "теоретический" вклад в эту гзгучую проблему византийской

государственности. Сказанное относится и к принципу разделения властей, этому важному достижению римско-византийской политической идеологии. Кстати, Глушанин всегда имеет в виду разделение властей военной и гражданской (правда, на с. 188 он бросает важную мысль о существовании параллельных командных систем как одной из гарантий политической стабильности), но этот принцип распространялся и на другие сферы власти, в частности, на законодательную и исполнительную. Принимая во внимание скорее негативный результат постановки вопроса о военной знати как таковой, я бы вообще озаглавил работу "военная власть в ранней Византии" и усилил бы этот "конституционный" аспект.

Автора удивляет отсутствие в источниках данных о приобретении крупных земельных имуществ высшим генералитетом (например, дуксами) по месту их службы. Он считает, что в их глазах такие приобретения были "непривлекательными" вследствие "слабых возможностей контролирования их хозяйственного функционирования в случае назначения их в новые, более удаленные от прежних, дукаты" (с. 77). Но ведь, если не ошибаюсь, им это было запрещено законом, причем, этот запрет распространялся не только на генералитет, но и на средний и низший офицерский состав, а также вообще на всех воинов (см., например, Dig. 49.16.13: *milites agrum comprare prohibentur in ea provincia, in qua bellica opera peragunt*; Dig. 49.16.9: *milites prohibenter praeda comprare in his provinciis, in quibus militant*).

Непонятно, что имеет в виду автор, говоря о "параметах восточноримских традиций престолонаследия" (с. 134), да и существовали ли такие "параметры" в столь раннюю эпоху? (Это опять же к вопросу о дефиците специальных разработок, в данном случае обычая престолонаследия — ибо закона не было! Не очень убедителен Евгений Павлович и там, где он считает неправомерным встречающееся в литературе отождествление "подданных" (*υπηκοοι*) из свидетельства Кандида Исавра с "народом столицы" (с. 137—138), тем более что сам он не предлагает никакого альтернативного варианта (с данными Комита Марцеллиана это свидетельство ведь можно и не увязывать, суть остается прежней). Жестковато и не очень-то доказано, на мой взгляд, звучит вывод автора о том, что Юстиниан с трудом представлял себе будущую префектуру Италии и что все, что тот по этому поводу говорил, является "образцом пропагандистской риторики" (с. 211). Наконец, не совсем понимаю, почему "неверно" искать мотивацию новой волны фамильной политики Юстиниана в династическом факторе и стремлении престарелого императора обеспечить престолонасле-

дие (с. 226). Одно другому не мешает, если "появление родственников Юстиниана на ряде высших военных должностей в 562—565 гг. обусловилось не столько династийной политикой, сколько естественным ходом их служебного роста и смены поколений в военной элите" И совсем уж неправдоподобно звучит вывод о том, что "Юстиниан безучастно относился к вопросу о престолонаследии, понимая, что оставляет после себя запрограммированный конфликт" (с. 227). Вообще, для лучшего освещения проблем правления Юстиниана (и, в частности его политики в военно-административной сфере) следовало бы учесть результаты целого цикла исследований греческого ученого Лунгиса, а также крупную работу итальянца Каими, посвященную анализу трактата Иоанна Лида "De Magistratibus".

Текст книги Е.П. Глушанина страдает, мне кажется, чрезмерной "герметичностью" (главы, по моему, следовало бы разбить на подразделы, язык нарочито утяжеленный (уж не влияние ли немецкой школы?), перенасыщенный иностран-

ной лексикой и технической терминологией Читателю нужно быть весьма "подкованным" в этой области, иначе он вряд ли поймет, что означают избыточные в тексте "адоптации", "адзрация", "конскрипция", "идиосинкразия" и т.п., тем более, что термины эти не только не переводятся, но и не разъясняются. Весьма затрудняет работу с книгой отсутствие каких бы то ни было указателей.

Тем не менее, несмотря на высказанные замечания (с которыми автор вправе и не согласиться), я в высшей степени положительно оцениваю рецензируемое издание. Прделана огромная исследовательская работа, достигнут общезначимый результат, заполнена еще одна лагуна и по существу открыто новое направление в нашей отечественной историографии, а в лице Е.П. Глушанина мы приобретаем уникального специалиста по одной из наиболее сложных и ключевых эпох в истории римско-византийской государственности.

И.П. Медведев

Krumeich Ch. Hieronymus und die christlichen feminae clarissimae// Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. Bonn, 1993. Н. 36. XII, 408 S.

Объемная, насыщенная фактическим материалом монография Х. Крумайх, ученицы известного западногерманского антиковеда И. Штрауба, является переработанным вариантом диссертации, защищенной летом 1992 г в Боннском университете В наиболее общем виде цель работы формулируется скромно — определить "значимость христианок из разряда feminae clarissimae в истории IV в." (с.381). Особое внимание при раскрытии проблемы, считает исследовательница, должно уделяться "миссионерской задаче", которую ставили перед собой и выполняли знатные римлянки-христианки и их spiritus rector Иероним Стридонский. Отмечу сразу, что одним из важнейших способов достижения цели работы оказывается анализ примечательной методики, примененной Иеронимом в его трудах: прославляемые в Библии sanctae mulieres коррелируются им со значительными gentiles feminae из греко-римского прошлого, позитивные качества которых (избирательно адаптированные христианством) исследованы, по мнению Стридонца, принявшими истинную веру feminae clarissimae. Неоспоримо владея privilegium generis, последние призваны в качестве nobiles genere, nobiliores sanctitatis подавать пример сенаторской аристократии, заботившейся о priscus mos, и способствовать ее conversio perfecta. Тем самым открывается подлинная цель для via naturalis, базирующейся на mos maiorum.

Уже отсюда видно, что разрабатываемые Крумайх сюжеты далеко выходят за рамки собственно "иеронимоведения" и даже истории феминизма в доиндустриальных обществах Во-первых, речь идет о рассмотрении на первый взгляд узкой проблемы "Иероним и feminae clarissimae" в контексте довольно широкого спектра общественных и ментальных феноменов поздней античности вообще Недаром исследование взаимоотношений Стридонца с кружком Марцеллы, с Павлой и ее семьей предваряется обстоятельным разбором таких тем, как "Иероним — христианин, римлянин, цистеронианец", "Иероним и epistulae ad clarissimas feminas", "Иероним — vir bonus dicendi peritus". Здесь же рассматривается положение папского престола при Дамасе, покровителе Стридонца, состояние в IV в мужского и женского клариссимата, дается очерк положения римлянки в обществе и т.д. Во второй части монографии исследованию конкретной практической деятельности знатных христианок IV в. предшествует анализ некоторых аспектов позиции Иеронима в полемике между язычеством и христианством, разбор состояния женской образованности и ее оценок позднеантичными авторами, изучение имущественного положения аристократок.

Во-вторых, через всю монографию объективно проходит проблема характера усвоения патристичкой античного наследия. Характер